

УДК 323.27(09)

ББК 66.3(0)

Т49

Р.А. Тлепцок,

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79064389615, e-mail: bum102@yandex.ru

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

(Рецензирована)

Аннотация. В статье предпринята попытка исторического анализа теоретического концепта и реализации в политической практике современности сценария «цветной революции». «Цветная революция» характеризуется как разновидность борьбы за политическую власть. Дан краткий анализ технологического цикла «цветной революции». Актуальность исследования обусловливается характером и результатами происходящих в настоящее время «цветных революций», приводящих к разрушению политических систем государств, а зачастую и самих государств. Цель исследования заключается в выявлении различных подходов в определении сущности и признаков изучаемого феномена. Формулирование определения «цветной революции», содержащего универсальные признаки указанного явления, позволит консолидировать позиции исследователей. «Цветные революции» являются системным явлением, включающим в себя различные методы «soft power» с использованием информационной инфраструктуры, что должно быть учтено при характеристике изучаемого феномена. В работе представлены и концептуально проанализированы технологии совершения «цветных революций». Автор делает вывод о том, что «цветные революции» обладают высоким деструктивным потенциалом для социально-политической системы страны, девальвируют авторитет политического режима и обостряют внутренние проблемы государства.

Ключевые слова: «цветная революция», мягкая сила, сдерживание, политический процесс, трансформация.

R.A. Tleptsok,

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of the History, Adyghe State University, Maikop, ph.: 79064389615, e-mail: bum102@yandex.ru

«COLOR REVOLUTIONS»: THEORETICAL CONCEPT AND POLITICAL EXPERIENCE

Abstract. An attempt is undertaken to make a historical analysis of the theoretical concept and the implementation of the “color revolution” scenario in the modern policy. The “color revolution” is a form of struggle for political power. A brief analysis of the technological cycle of the “color revolution” is given. The relevance of the study lies in the nature and results of the current “color revolutions,” which lead to the destruction of the political systems of States and often of States themselves. The aim of the study is to identify different approaches in determining the nature and

characteristics of the phenomenon under study. The formulation of the definition of “color revolution”, which contains universal signs of this phenomenon, will allow researchers to consolidate their positions. “Color revolutions” are a systemic phenomenon involving various “soft power” techniques using information infrastructure, which must be taken into account in describing the phenomenon under study. Technologies for carrying out “color revolutions” are presented and conceptually analyzed in the present work. The author concludes that “color revolutions” have a high destructive potential for the socio-political system of the country, devalue the authority of the political regime and exacerbate the internal problems of the State.

Keywords: color revolution, soft power, political process, transformation.

Политическая практика государств постсоветского пространства исторических реалий начала XXI века характеризуется относительно новой тенденцией, заключающейся в радикальной трансформации политических режимов. Фактически эволюционная по своей сути динамика смены правящих элит обрела нарастающую тенденцию к силовому свержению, реализуемому в рамках «цветной революции». Проблема «цветных революций» значительно актуализировалась на современном этапе международных отношений, что связано со стремительными изменениями, происходящими в мировом сообществе цивилизаций, вызванными полосой неопределенности и нестабильности, охватывающей многие государства и общества.

«Цветная революция» – ненасильственный государственный переворот, управляемый извне при помощи специальных международно-политических технологий. Практически все «цветные революции» следуют шаблону «бархатных революций», произошедших в странах Центральной и Восточной Европы [1]. Название «цветные революции» закрепилось в научном мейнстриме вследствие того, что первые события такого характера содержали в составе своего названия цвет или, как минимум, цветок: «Оранжевая революция» на Украине, «Революция роз» в Грузии, «Тюльпановая революция» в Кыргызстане, «Пурпурная революция» в Ираке, «Шафрановая революция» в Мьянме, «Революция лотоса» в Египте и другие. В одних

случаях «цвет» революции задавала атрибутика демонстрантов, как правило, ленточки и знамена, в других – национальные символы государств.

В политическом дискурсе специфика «цветных революций» объясняется иностранными гуманитарными интервенциями и их воздействием на политические процессы внутри стран. Общим для всех этих революций является использование различными внешними и внутренними социальными силами средств «soft power» [2; 152] (мягкой силы) для того, чтобы изменить политический ландшафт той или иной страны и извлечь из этого экономическую выгоду. Причина распространения в политическом инструментарии средств «soft power» видится в том, что для современной геополитической системы координат характерно глобальное противостояние, даже несмотря на то, что все крупные центры силы на сегодня создают видимость сотрудничества между собой и взаимовыручки в тяжелых ситуациях. Основное оружие, которое применяется на международной арене, – это «мягкая сила» и «сдерживание». В процессе применения данного вида силы в общественном сознании, в целях манипуляции им, многие привычные понятия наполняются новым смыслом явления, к которому они относятся.

В связи с этим возрастает актуальность изучения проблемы значимости «цветных революций» в функционировании общества не только в мире, постсоветском пространстве, но и в России с ее своеобразными

особенностями менталитета и социокультурных традиций. Необходимо иметь в виду, что разработка изучаемой проблематики имеет не только определенное теоретическое, но и весьма большое практическое значение. В первое десятилетие XXI в. не только на постсоветском пространстве, но и в других странах источником страха для элит и надежды для простых граждан стали именно «цветные революции». При этом феномен «цветных революций», несмотря на свою недолгую историю, успел обрасти массой конспирологических легенд, досужих догадок и научных интерпретаций, а масштаб и сходство этих событий не могли не вызвать попыток выявить их идентичность и рассматривать как общемировую тенденцию. Слабеющая геополитическая однополярность сопровождалась парадоксальной ситуацией: с одной стороны, за последние двадцать пять лет постоянно росла поддержка демократии во всем мире, с другой – росли недовольство политикой и недоверие к государству.

За последние четверть века увеличилось количество людей, недовольных политическим развитием в своих странах, свидетельством чего является снижение активности избирателей на выборах, повсеместное уменьшение членства в политических партиях и объединениях, рост нелояльности избирателей к своим партиям, снижение уровня доверия политическим организациям, рост недоверия к гражданам среди политических элит. Эта тенденция получила определение «застой свободы», то есть стабилизация роста или даже некоторое уменьшение количества стран, которые считаются свободными [3]. Мир одновременно переживает распространение демократической формы правления и недовольство демократией в ее нынешнем состоянии.

В этой амбивалентной ситуации устойчивость политических режимов во многих странах оказалась

динамичной, а ресурс доверия граждан к этим режимам уменьшился. Во многих случаях неустойчивость режимов приводила к массовым выступлениям против властей, к гражданскому неповиновению, смещению непопулярных правителей и приходу к власти иных политических сил. Причем процессы, сопровождавшие «цветные революции», характеризуются тремя ярко выраженными тенденциями: во-первых, относительно мирным характером гражданских выступлений и лидирующей ролью гражданских организаций; во-вторых, результаты президентских или парламентских выборов объявлялись сфальсифицированными, что являлось стимулом к активизации гражданского неповиновения и протестных акций; ну и, наконец, вовлеченностью западных международных структур в финансирование гражданских организаций, активно участвовавших в антиправительственных выступлениях. Таким образом, волна «цветных революций» начала XXI в., несмотря на широкий спектр политических и социально-экономических особенностей в каждом случае, характеризовалась схожим набором признаков, относящихся к генезису и тактике реализации протестных действий.

Термин «цветная революция» вошел в оборот относительно недавно, после публикации в 1993 г. работы доктора философии, основателя Института имени А. Эйнштейна, классика «методов ненасильственных свержений режимов» Джина Шарпа «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения» [4]. В работе американского исследователя совершенно ясно прослеживаются принципы и методы борьбы с недемократическими режимами посредством ненасильственного свержения авторитарных правительств стран. Многие исследователи в дальнейшем связывали возникновение череды радикально настроенных оппозиционных движений в странах

постсоветского пространства с резонансным успехом работы Д. Шарпа, которая послужила лекалом для национальных общественных выступлений, иногда перераставших в государственные перевороты. Характерно, что Д. Шарп рассматривает борьбу с не западно-ориентированными государствами как борьбу с диктатурой, а способ ее свержения он видит в осуществлении революции, используя самые простые методы. Исследование стало руководством к действию для деятелей оппозиционных движений в Югославии, Грузии, Украине, Киргизии и других странах.

В ходе «цветных революций», произошедших в странах с уже предварительно ослабленным либеральными реформами режимом, широко применялись ненасильственные методы сопротивления, позволяющие нейтрализовать как силовые структуры, так и возможное непринятие революции населением [5]. Важную роль в них сыграли методы, описанные и систематизированные Д. Шарпом. Их применение повлекло за собой различные последствия: «...от оказания влияния на противников с целью вызвать определенные действия или создания условий для мирного разрешения конфликта до уничтожения ненавистного режима...» [4; 28].

С началом XXI в. термин «цветная революция» получил признание и в среде политиков, историков и политологов. Так, например, президент Аскар Акаев использовал термин «цветная революция» при характеристике происходивших антиправительственных событий в Кыргызстане в начале 2005 г. [6]. Позднее, в июле 2005 г., была опубликована статья политолога и дипломата Майкла Макфола «Переход из посткоммунизма», где словосочетание «цветные революции» использовалось как политологический термин, обобщающий процессы в Сербии, Грузии и Украине в единый региональный тренд [7]. Внимание

к общим причинам «цветных революций» артикулировало несколько типических условий, при которых они происходили. М. Макфол рассматривает «цветные революции» как продолжение демократических «бархатных революций» конца 80-х гг. XX в. По его мнению, в 1989 г. Запад сумел консолидировать демократии в Центральной и части Юго-Восточной Европы, но его влияние на элиты в постсоветской Европе и Сербии было незначительным, что привело к нарушению баланса интересов в обществе и к гражданским восстаниям [7; 92-95].

Подобный тип революций активно реализовывался в политической практике конца XX в. в виде «бархатных революций», направленных на ненасильственный демонтаж социалистических режимов в странах Восточной Европы. «Цветные революции» стали их логическим продолжением, нацеленным именно на смену власти, не имея за собой идеологического и формационного подтекста. К концу 80-х гг. XX в. в политической практике США и их союзников была выработана и опробована новая технология целенаправленной дестабилизации и смены власти в самых разных странах без прямого насилия, так называемые «бархатные революции», или с минимальным использованием насилия. За последующие годы эти технологии были доведены до высокой степени точности и надежности и в самое последнее время были применены на территории бывшего СССР в республиках, тесно связанных с Россией – Грузии, Украине, Киргизии. На основе «бархатных революций», прошедших в Восточной Европе в 1989-1991 гг., были отработаны технологии, которые потом успешно применялись в Югославии при свержении С. Милошевича, на Украине во время массовых демонстраций против президента Л.Д. Кучмы и В.Ф. Януковича, в Молдавии и т.д.

В современной историографии «цветные революции» понимаются как процесс смены правящих режимов под напором массовых уличных акций протеста и при поддержке финансируемых из-за рубежа неправительственных организаций [8; 11]. Однако массовые протесты, материальная поддержка иностранных групп, стремящихся к смене власти, присутствуют в любой революции. В этой связи суть «цветных революций» лучше всего раскрывается в сравнении с революциями XIX-XX веков. Они представляют собой, прежде всего, духовно-нравственный, идеологический переворот и затрагивают все уровни и сферы общества – от экономического уклада до повседневной жизни индивидов. Социально-политические и экономические институты перестраиваются после захвата власти революционерами, а вносимые изменения исключительно быстры и имеют радикальный, фундаментальный характер. Эти аспекты не затрагиваются «цветными революциями». Признаков социальной революции – коренного переворота в обществе, смены общественного строя – в «цветном» перевороте также не наблюдается. В отличие от традиционных революций, «цветные революции» не преследуют цель изменить общественно-экономическую систему, затрагивая в большей степени лишь политические институты.

«Цветная революция» – типичное явление XXI в. По своей смысловой нагрузке это революция нового типа – без насилия и без явного столкновения крупных социальных сил, но с использованием современных технологий. Она показывает, как незащитно государство перед атаками именно в культурной и духовной сфере, – если найдены уязвимые точки общества. Поверхностное представление о феномене может сформировать неверное мнение, что «цветная революция» – это результат деятельности одних только зарубежных спецслужб. Это не совсем

так, спецслужбы – это всего лишь инструмент политики, исполнители заказа. Кроме того, ошибочно полагать, что стратегия «цветной революции» заключается лишь в подрыве «культурного ядра» государства. Деформация «культурного ядра» – это очень важная, но не единственная цель в достаточно сложном комплексе дипломатических, культурных и экономических мероприятий, направленных на ненасильственное свержение существующего строя через выявленные слабые места в структуре государства [9].

Необходимо отметить, что «цветные революции» являются не собственно революциями, а попытками государственного переворота, имитирующими политическую революцию – смену одной политической силы у власти на другую. Имитация обусловлена тем, что новая политическая сила не сама приходит к власти, не под влиянием большей части населения, а в значительной степени при посредстве внешних сил, при отсутствии революционной ситуации.

В исторических реалиях начала XXI в. «цветные революции» становятся отличительной особенностью постсоветского пространства, переходят в разряд исторической реальности. «Цветные революции» – это революции, не просто приводящие к смене властной верхушки государства и его геополитической ориентации, а и принципиально меняющие основание легитимности всей государственности страны. Более того, меняется даже местонахождение источника легитимности, он перемещается с территории данного государства в метрополию, в ядро мировой системы управления капитализмом. Такое глубокое изменение государственности имеет цивилизационное измерение. События «цветных революций» не могут быть названы классической революцией по той простой причине, что в стране не происходит смена общественно-экономической формации. Необходимо отделить классическое понятие

революции, исторически сложившиеся в исторической и политической науке, массовом сознании, от понятия «бархатной и цветной революции». Объективный анализ событий на постсоветском пространстве позволяет утверждать, что данные революции – это форма смены элит на постсоветском пространстве.

Сущность традиционной революции содержится в особой революционной идее, новой идеологической доктрине. «Цветные революции» не имеют и даже не располагают не только никакими великими идеями, но и просто новыми, даже для самих «революционных» стран. В этом смысле можно согласиться с мнением политолога Е.Г. Пономарёвой, что «цветная революция» – это процесс безыдейный [10; 88]. Российский политолог С.А. Марков определяет «цветные революции» всего лишь как «новый тип политических технологий по смене власти» [11]. Поскольку «цветные революции» не являются революциями в традиционном понимании, причины и условия их осуществления будут иными. Все они происходят по сходным сценариям, по одной и той же модели. Традиционные инструменты смены политических режимов заменяются более тонкими способами влияния, сочетающими силовые методы воздействия с информационными технологиями управления сознанием и поведением широких масс населения. К.Ф. Затулин приводит следующие причины «цветных революций» на постсоветском пространстве: глубокий политический и экономический кризис государств, в которых они произошли, внешнее воздействие, отсутствие достаточного противодействия России этому влиянию [12].

Характерно, что после распада СССР внешнеполитический курс бывших социалистических стран исходил из желания создать баланс в отношениях с Россией и США, «лабиринтовать» между ними. В этом контексте улучшение отношений с

одной из них влекло за собой усиление экономического и политического влияния в данных странах. И если российское государство действовало политико-экономическим инструментарием, ориентированным на инкорпорирование элиты соседних стран, то Запад действовал в культурном дискурсе, делая упор на развитии национальной идеологии и культуры, языковом компоненте и утверждении «местной» идентичности, отличной от общероссийской. Немаловажную роль в это контексте играли многочисленные западные фонды, стимулирующие написание «своей» истории, нацеленной на неприятие и интеллектуальное отторжение всего российского, внедрение западной массовой культуры в среде молодежи. Историческая практика показала, что потеря собственных ориентиров в информационно-открытом современном мире всегда приводит к тому, что их заменяет чужая интеллектуальная повестка.

Зарубежная поддержка организаторов «цветных революций» не ограничивается финансовыми вложениями. Международные неправительственные организации занимаются созданием сценария революции, обучением активистов, работой с населением, продвижением идей в социальных сетях и через мессенджеры. Однако не следует нивелировать роль внутренних факторов, являющихся неотъемлемыми условиями осуществления «цветной революции». Основная проблема власти многих стран – признание своего курса единственно верным, отказ от сотрудничества с оппозицией, а в радикальных случаях – её подавление. Проводимый курс и элита, его реализующая, долгое время не меняются, и с его течением накапливаются не только успехи, но и проблемы, растёт число как сторонников, так и противников власти, происходит накопление «усталости населения». Кроме того, в условиях постсоветского пространства политическая система не является

сбалансированной. В ряде республик с президентской формой правления, «несмотря на то, что именно этот перекоп полномочий в сторону президента был заявлен как гарантия стабильности, в случае потери влияния президентом, стабильность политической системы разрушается» [13; 145].

Вместе с тем действующая власть в ряде государств зачастую слаба и не может сопротивляться внешнему влиянию. Когда события приобретают по-настоящему неблагоприятный оборот, власть в муках выбора между действием и бездействием выбирает бездействие. Для организаторов «цветного» революционного переворота подобное является лакмусовой бумажкой, главным фактором успеха, поскольку свидетельствует о потере контроля над ситуацией со стороны действующего руководства. Характерно, что даже если власть не вмешивается в происходящие процессы, боясь подвергнуться жесткой критике со стороны западного сообщества и прослыть «авторитарной диктатурой», мировые средства массовой информации создают мейнстрим и представляют режим как «недемократический».

Необходимо остановиться и на таком моменте, как особое значение знаковых систем для организаторов «цветных революций». Особую роль в каждой «цветной революции» играют собственно цвет и символы, поскольку именно знаковые системы, в отличие от содержательной вербальной коммуникации, воздействуют на глубокие сферы психики [10; 88]. Символы являются частью технологии революции, они должны быть узнаваемыми и легко наносимыми в общественных местах. Политический символизм, таким образом, интегрировался в прежде политически нейтральные пространства [8; 11].

Западные политтехнологи прекрасно понимают значение символов, а потому выбор «красной розы» или «красного тюльпана» в качестве

символа революции вовсе не оказывается случайным. Во-первых, знаковые системы продуцируют архаичные генеральные эмоции, например, ярость, отвращение, блаженство, страх, которые подавляют или возбуждают волевые действия. Главное – они не стимулируют целенаправленную деятельность. Соответственно, в войне, социальной или религиозной революции роль знаковых систем оказывается хотя и не определяющей, но весьма значительной, так как они формируют эмоциональный настрой масс. Более того, в отдельных элементах стратегии (психическая атака) от них может зависеть исход всей операции.

Во-вторых, знаковые системы актуализируют социальный опыт индивидуума, личный, этнический, конфессиональный, национальный и вызывают тем самым ответную реакцию, которая побуждает к самоидентификации, к выбору и, наконец, к поступку. Таким образом, символ становится опознавательным знаком, обозначает соратников и выявляет противников, как бы физически консолидирует сообщество в конкретном пространстве и времени. Для быстрого и максимально широкого охвата населения в технологиях «цветных революций» активно используются демонстрации элементарного цветового или графического знака (например, белый кулак в круге на черном фоне – символ белградской революции, который впоследствии использовали на Украине, в Киргизии, Египте) или зрелища: шествия, флэшмобы, «кольца», разного рода акции, транслируемые в социальных сетях.

Зрелище – особо важный, но и более сложный, в сравнении с символикой, технологический прием. Он продуцирует коллективное чувство – синтонию [14], формирующее новое качество отношений между объектами воздействия, то есть зрителями. Кроме того, ролевое зрелище, например, одиночный пикет или акт самосожжения, передаваемые

по социальным сетям, дополняет синтонию самоидентификацией с героем или усвоением страсти героя. В результате «завроженность» конкретным действием может изменить восприятие реальности. К тому же развитие современных технологий позволяет серьезным образом усилить эффект невротической синтонии. Например, сформировать или усилить ощущение ущербности собственной истории, страны, национального опыта.

В современных условиях внедрение коммуникативных программ быстрого общения, таких как форумы, социальные сети, живые журналы, блоги, серьезным образом повышает внушаемость, способствует массовой манипуляции сознанием и исторической памятью. Это происходит, в частности, потому, что в реальности люди начинают переходить на язык свойственный виртуальности, наступает так называемая деградантная синтония.

Многие психологи, психоаналитики, эксперты по сетевым структурам обращают внимание на то, что внедрение YouTube, Telegram, Instagram создает безграничное пространство деградантного «живого театра», GoogleMaps – топографическую прозрачность («живой тир»), Facebook – «несмываемую» фиксацию персональных данных, Twitter – деградантный язык «словесных жестов». Все это вместе создает беспрецедентно благоприятные условия для управления поведением в массовом масштабе, если, конечно, субъектом манипуляции ставится такая задача.

В исторических реалиях XXI в. средства коммуникации стали одними из важнейших средств подготовки и осуществления «цветных революций», прежде всего в силу того, что позволили активизировать зрелищную сигнальную семантику. Такой инструментарий в процессе массовым манипулированием сознания, как YouTube, в 2018 г. при общем количестве пользователей в

1,3 миллиарда человек достиг ежедневного количество просмотров в 5 миллиардов, что позволяет мгновенно распространять по мобильной связи подлинные, ретушированные или просто сфальсифицированные видеосюжеты, возбуждающие в обществе генерализованные реакции ужаса, переходящего в яростное неприятие заведомо указанного в ролике виновника. В роли последнего, как правило, выступают политический лидер или члены правящей партии.

Так, роль «запала» «арабской весны» в Тунисе и Египте, как известно, сыграла «эпидемия» самосожжений с немедленной героизацией жертв в сетевых медиа. Правда, созданию «кумиров» предшествовала длительная подготовка исламского общества к восприятию самоуничтожения как подвига, что явно противоречит канонам ислама. Применительно же к технологиям «цветных революций» важно, что методологически побуждение к самоуничтожению числилось в рецептуре перехода «от диктатуры к демократии» Дж. Шарпа под пунктом 158 – «Самоотдача во власть стихии (самосожжение, утопление и т. п.)» еще с 1973 г., когда были сформулированы «Методы ненасильственного сопротивления» [15].

Большое значение имеет также задействование фактора цвета. Цвет, выбранный государством для флага или сообществом религиозных и социальных революционеров для своего знамени, содержит историческую аллюзию и ценностную составляющую, которая является не дополнительным средством, а принципиальным рычагом выбора и мобилизации. В случае разработки цветового символа внешним субъектом его функция является дополнительной, поскольку он предназначен для решения кратковременных задач – смены политического режима, и не более того. Если операция оказалась успешной, тот же цвет может быть использован в других странах.

Например, позаимствованный после украинских событий оранжевый цвет в 2005 г. был успешно использован на выборах в Румынии командой Траяна Бэеску. Тот же цвет был использован оппозицией в Азербайджане. Однако после узбекского провала (андижанские события 2005 г.) произошло временное «выцветание» украинского символа до событий 2013-2014 гг.

Тем не менее, оранжевый цвет сыграл колоссальную роль. Притягательность украинской революции была обеспечена именно цветом. Дело в том, что оранжевый цвет – особый. Например, великий немецкий поэт Гете, который делом своей жизнь считал разработку теории цвета, считал оранжевый цветом теплоты и блаженства, раскаленного жара, пекла, накала. Активная сторона оранжевого цвета связана, по Гете, с его высочайшей энергией: «...достаточно пристально посмотреть на вполне желто-красную поверхность, чтобы показалось, что этот цвет действительно врезался в наш глаз. Он вызывает невероятное

потрясение» [16; 200], как бы входит, вонзается в тело. И в этих замечаниях Гете не одинок: ученые отмечают активность этого цвета, его возбуждающий, беспокоящий эффект.

Подводя определенный итог, важно обратить внимание на то, что история имеет особенность удивительным образом повторяться: тематика «цветных революций» вновь стала одной из главных в мировой политической практике, но уже в рамках совершенно другой геополитической ситуации, но с теми же, по сути, политическими акторами. Более того, Россия стала рассматриваться в качестве чуть ли не поля шахматной геополитической игры, контроля над которой можно добиться, используя отработанный инструментарий «цветных революций». Это обстоятельство свидетельствует не только о значимости, «вписанности» проблемы «цветных революций» в мировой политический сценарий, но и о неразрешенности внутренних проблем страны и необходимости усилий в этом направлении.

Примечания:

1. В современной историографии не сформировалось единого мнения о том, какое именно событие можно считать «цветной революцией». К примеру, «Бульдозерная революция» в Югославии, «Революция роз» в Грузии, «Оранжевая революция» на Украине и «Тюльпановая революция» в Киргизии официально считаются «цветными революциями». См.: Нарочницкая Н.А. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. Санкт-Петербург: Алетейя, 2008. С. 23. Ряд исследователей идут дальше и возводят понятие «цветной революции» к португальской «Революции гвоздик», когда 25 апреля 1974 года был совершен переворот левого толка в Лиссабоне в Португалии, который изменил режим правления с фашистской диктатуры на либерально-демократический строй. Суханов В.И. «Революция гвоздик» в Португалии: страницы истории. Москва: Мысль, 1983. С. 11. Однако последний пример не может быть отнесен к «цветным революциям», поскольку основными организаторами португальского переворота были военные, в то время как главными действующими лицами «цветных революций» являются гражданские лица и в первую очередь – активная оппозиционная молодежь. По этой же причине нельзя считать «цветной революцией» переворот в Иране 19 августа 1953 года, когда премьер-министр Мохаммед Мосаддык был свергнут в результате действий, санкционированных США. Хотя именно переворот в Иране 1953 года можно назвать прообразом будущих «цветных революций».

2. Най С. Джозеф (младший). Будущее власти / пер. с англ. В.Н. Верченко. Москва: АСТ, 2014. 444 с. Вот какое определение дает этому понятию Дж. Най: «Способность государства (союза, коалиции) достичь желаемых результатов в международных делах через убеждение (притяжение), а не подавление (навязывание,

насилие, принуждение), что характерно для «жесткой силы». «Мягкая сила» действует, побуждая других следовать (или добиваясь их собственного согласия следовать) определенным нормам поведения и институтам на международной арене, что и приводит к достижению желаемого результата фактически без принуждения».

3. Задоркина М. Динамика развития информационной войны в процессе организации цветных революций. С. 27. URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F1039488726/Zadorkina.M..pdf>.

4. Шарп Д. От диктатуры к демократии Концептуальные основы освобождения. (Электронный ресурс). URL: [http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf\(6.03.2018\)](http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf(6.03.2018)).

5. Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Саакашвили, Ющенко... М.: Алгоритм, 2005. 528 с.

6. Акаев А. Революция глазами экс-президента. Интервью. URL: http://www.peoples.ru/state/king/kirgistan/askar_akaev/interview2.html.

7. Макфол М. Пути трансформации посткоммунизма // Pro et Contra. 2005. Т. 9. № 2. С. 92-107. В работе американского политолога и дипломата Майкла Макфола, написанной летом 2005 года, «цветная революция» стало понятным политологическим термином, используемым для описания процессов, которые протекали на Украине, в Киргизии, Грузии и Сербии. Термин «электоральные революции» также использовался, им подчеркивался факт, что в постсоциалистических странах избирательные процессы протекали несправедливо. Впрочем, термин «цветные революции» для большинства исследователей оказался более правильным, поскольку в нем сполна учитывались общность условий и комплекс причин гражданских волнений в указанных странах. Только избирательной несправедливостью эти причины не ограничивались. В политической науке подобная стратегия доминировала до 2008 года. Последствия революций при этом сравнивались и изучались меньше, чем их причины. По сути, начало «революции достоинства» в Украине стало продолжением процессов, начавшихся за несколько лет до этого.

8. Почепцов Г.Г. Революция. Соц. Основы протестной инженерии. М.: Европа, 2005. 513 с.

9. Политическая наука: словарь-справочник / сост. И.И. Санжаревский. М., 2016. URL: <http://glos.virmk.ru>.

10. Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов. Ч. 1 // Свободная мысль. 2012. № 1-2. С. 87-98.

11. Марков С. Цветная революция – это новый тип политических технологий по смене политической власти // Комсомольская правда. 2005. 15 ноября.

12. Затулин К.Ф. Цветные революции выгнаны глубоким кризисом новых независимых государств / К.Ф. Затулин // Политическая экспертная сеть Кремль.Орг. 2005. 5 июля. URL: <http://www.kreml.org/other/91-68294> (дата обращения: 11.03.2018).

13. Ситнова И.В. Сравнительный анализ «цветных революций» в странах постсоветского пространства // Власть. 2011. № 5. С. 144-147.

14. Синтонность (син + греч. tonos – напряжение) – проявление высокой эмоциональной реактивности на воздействие окружающей среды, аффективная откликаемость на происходящее, на настроение других людей. Некоторые исследователи рассматривают синтонность как свидетельство гармоничных отношений с социальной средой обитания, другие, психопатологи, – как проявление склонности к биполярному расстройству настроения. Использование термина во избежание такого коннотативного конфликта рекомендуется избегать без необходимого уточнения. Синонимы: Отзывчивость, Откликаемость, Созвучность. Цит. по: Национальная психологическая энциклопедия. URL: <https://vocabulary.ru/termin/sintonnost.html>.

15. Более подробно см.: Шарп Д. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения / пер. с англ. Н. Козловская. 2-е изд. испр. М.: Новое издательство, 2012. 84 с.

16. Гёте И.В. Учение о цвете. Теория познания, пер. с нем. М.: Ленанд, 2014. 200 с.

References:

1. In modern historiography, there is no consensus on what kind of event can be considered a “color revolution”. For example, the Bulldozer Revolution in Yugoslavia, the Rose Revolution in Georgia, the Orange Revolution in Ukraine and the Tulip Revolution in Kyrgyzstan are officially considered color revolutions. See: Narochnitskaya N.A. Orange networks: from Belgrade to Bishkek. SPb. Aletheia, 2008, P. 23. A number of researchers go further and raise the concept of “color revolution” to the Portuguese “Carnation Revolution”, when a left-wing coup took place on April 25, 1974 in Lisbon, Portugal, which changed the regime from fascist dictatorship to a liberal democratic system. Sukhanov V.I. “Carnation Revolution” in Portugal: Pages of history. M. “Mysl”, 1983. P.11. However, the last example cannot be attributed to “color revolutions”, since the main organizers of the Portuguese coup were the military, while the main protagonists of “color revolutions” were civilians and, above all, active opposition youth. For the same reason, the coup in Iran on August 19, 1953, when Prime Minister Mohammed Mosaddek was overthrown as a result of actions authorized by the USA, cannot be considered a “color revolution”. Although it is precisely the 1953 coup in Iran that can be called a prototype of future “color revolutions”.

2. Nye S. Joseph (Jr.). The future of power / transl. from English by V.N. Verchenko. Moscow: AST, 2014. 444 pp. Here is the definition given to this concept by J. Nye: “The ability of a state (union, coalition) to achieve the desired results in international affairs through persuasion (attraction), and not suppression (imposition, violence, compulsion), which is typical for “hard power.” “Soft power” acts to encourage others to follow (or to seek their own consent to follow) certain standards of behavior and institutions on international arena, which leads it to achieve the desired result virtually without compulsion.”

3. Zadorkina M. Dynamics of the development of information war in the process of organization of color revolutions. P. 27. URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F1039488726/Zadorkina.M.pdf>

4. Sharp D. From dictatorship to democracy. Conceptual foundations of liberation. URL: http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf (6.03.2018).

5. Kara-Murza S.G. Export of revolution. Saakashvili, Yushchenko ... M.: Algorithm, 2005. 528 pp.

6. Akaev A. Revolution through the eyes of ex-president. An interview. URL: http://www.peoples.ru/state/king/kirgistan/askar_akaev/interview2.html

7. McFaul M. Ways of post-communism transformation // Pro et Contra. 2005. Vol. 9. No. 2. P. 92-107. In the work of the American political scientist and diplomat Michael McFaul written in the summer of 2005, the “color revolution” became an understandable political science term used to describe the processes that took place in Ukraine, Kyrgyzstan, Georgia and Serbia. The term “electoral revolutions” was also used, it emphasized the fact that in post-socialist countries the electoral processes were unfair. However, the term “color revolutions” seemed more correct for most researchers, since it fully took into account the commonality of conditions and the complex of causes of civil unrest in these countries. These reasons were not limited by selective injustice. In political science, such a strategy dominated until 2008. The consequences of revolutions were compared and studied less than their causes. In fact, the beginning of the “revolution of dignity” in Ukraine was a continuation of the processes that began a few years before.

8. Pocheptsov G.G. Revolution. Com. Fundamentals of protest engineering. M.: Europe, 2005. 513 pp.

9. Political science: Reference Dictionary / comp. by Sanzharevsky I.I. M., 2016. URL: <http://glos.virmk.ru>

10. Ponomareva E.G. Secrets of “color revolutions”. Modern technologies for changing political regimes. Part 1) // Free Thought. 2012. No. 1-2. P. 87-98.

11. Markov S. Color revolution is a new type of political technology for the change of political power // Komsomolskaya Pravda. 2005. November 15th.

12. Zatulin K.F. Color revolutions are driven out by a deep crisis of new independent states / K.F. Zatulin // Political Expert Network of Kremlin.Org. July 5, 2005. URL: <http://www.kreml.org/other/91-68294> (Access date:11.03.2018).

13. Sitnova I.V. Comparative analysis of “color revolutions” in the countries of the post-Soviet space // Power. 2011. No. 5. P. 144-147.

14. Syntony (*syn* + Greek *Tonos* – tension) is a manifestation of high emotional reactivity to environmental influences, affective response to what is happening, to the mood of other people. Some researchers consider syntony as evidence of harmonious relationships with the social environment, others, psychopathologists, as a manifestation of the tendency to bipolar mood disorder. The use of the term, to avoid such a connotative conflict, is recommended to be avoided without the necessary clarification. Synonyms: Sensitivity, Responsiveness, Consonance. Quoted on: National Psychological Encyclopedia. URL: <https://vocabulary.ru/termin/sintonnost.html>

15. For more details see: Sharp D. From dictatorship to democracy: Strategy and tactics of liberation / transl. from English by N. Kozlovskaya. 2nd ed. rev. M.: New Publishing House, 2012. 84 pp.

16. Goethe J.W. The study of color. Theory of knowledge, transl. from German. M.: Lenand, 2014. 200 pp.